

• АЛЕКСАНДРА БОРОВЕЦКАЯ •

ГОЛУБИНАЯ
ИСТОРИЯ

НАСТЯ И НИКИТА

АЛЕКСАНДРА БОРОВЕЦКАЯ

ГОЛУБИНАЯ
ИСТОРИЯ

Х у д о ж н и к
Галина Зинько

Москва. Издательский дом «Фома». 2013

Вы знаете Сайля? Это старик, что живёт в маленьком сером домике возле площади. А вообще не очень-то и важно, где он живёт, ведь Сайля чаще можно застать на улице, чем дома. И вы точно видели его хотя бы однажды: он кормит голубей в парке. Птицы вьются около него сотнями. Некоторые даже сидят на плечах и на голове. Сайль всегда с голубями. Он и сам чем-то похож на них. Сгорбленный старик с седой коротко стриженной бородкой, он носит широкий чёрно-сизый выцветший плащ и чёрную вязаную шапочку. Всякий раз, когда ветер поднимает полы его плаща, кажется, что Сайль сейчас взмахнёт руками и, оттолкнувшись от земли, полетит.

«Странный старик, — наверное, подумаете вы. — Эти голуби...» Я тоже так думал, пока под Новый год не познакомился с ним поближе. И обнаружил, что всё ещё более странно, чем кажется.

А началось всё самым обыкновенным образом. До праздника оставалась какая-нибудь неделя. Везде выставили ёлки, навешали гирлянды, блестящую мишуру. Только и разговоров было о том, кто как будет праздновать и кто к кому пойдёт в гости. Одним словом, Новый год приближался. И учиться уже совершенно не хотелось.

Но именно тогда-то нам и задали повторить за выходные правила по русскому, потому что в понедельник будет диктант. И я, конечно, собирался учить. Но в субботу после занятий хотелось отдохнуть, в воскресенье утром мы с папой ходили выбирать ёлку. А после обеда, когда я наконец-то почти сел за уроки, неожиданно позвонил мой друг Вовка и радостно прокричал в трубку, что ему родители компьютер подарили. Конечно, я бросил всё и побежал к нему в гости.

На следующий день мы оба получили за диктант двойки. За три дня до конца года. Честно говоря, вначале я не сильно расстроился, потому что был уверен: несмотря на двойку за контрольную, в четверти всё равно получится четвёрка. Но когда нам раздали перед каникулами дневники и я увидел напротив строчки «русский язык» тройка, моё праздничное настроение улетучилось в один миг.

Тройка в четверти по русскому! Ужас был в том, что моя мама считает, что человек может не знать физики и химии, но писать на родном языке должен уметь обязательно. В общем, если бы я получил тройку по какому-то другому предмету, ещё куда ни шло, но по русскому...

Домой я шел совсем невесёлый. Разноцветные огоньки, нарядные ёлки у входов в магазины, выпавший накануне снег, который теперь лежал повсюду здоровенными шапками, —

ничто не радовало. Я думал, как сказать маме. Перебирал в голове разные варианты, но кроме уж совсем невероятного вранья ничего не придумывалось. Так я ничего и не решил, а когда пришел домой, мама первым делом про дневник и спросила:

— Ну, ученик, показывай, что заработал?

И тут я возьми и скажи, даже сам от себя не ожидал:

— Нет, мам, давай лучше я тебе дневник на Новый год покажу.

Мама заулыбалась:

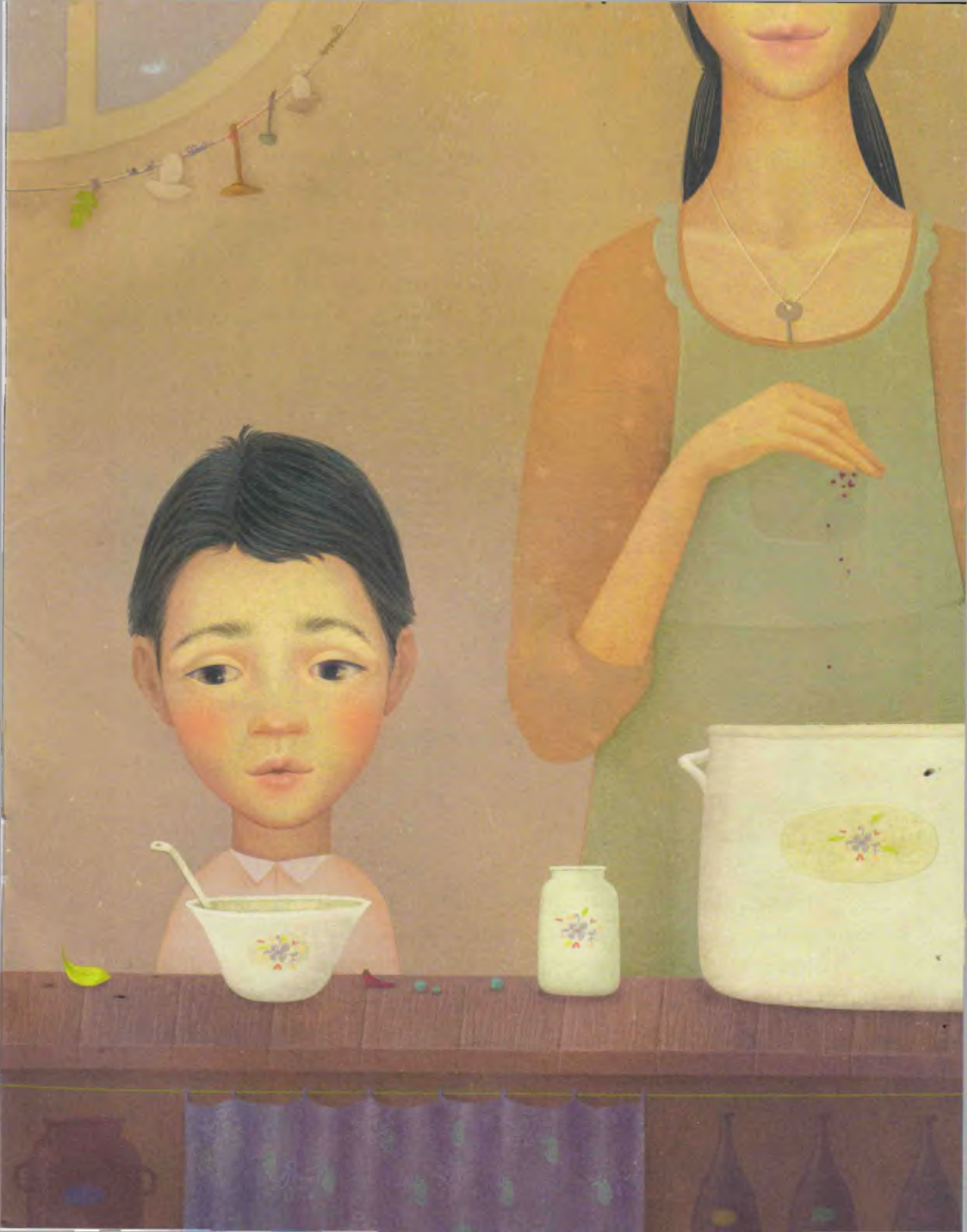
— Конечно, хорошо, — говорит. — Пусть так и будет.

И всё. А папа ничего спрашивать не стал.

Однако чем ближе был праздник, тем яснее я понимал, что лучше бы уж рассказал всё сразу. Может, тогда к Новому году мама бы и успокоилась? Что же я натворил! Ведь всё выяснится прямо в новогоднюю ночь. И праздник непременно будет испорчен. Тройка по русскому — ничего себе подарочек!

В утро накануне праздника я проснулся поздно. Папа наряжал в гостиной ёлку, мама с бабушкой обсуждали на кухне, достаточно ли солёных огурцов в салате оливье, а я сидел в своей комнате и думал о том, что будет вечером, когда мне всё-таки придётся показать свой дневник. Мне было страшно и ужасно стыдно.

И что теперь делать? Я достал чистую тетрадь в линейку, ручку и нарисовал на верхней строчке одну за другой несколько троек. А потом стал пробовать переправить их на пятёрки. Но аккуратно стереть печально загнутый влево верхний кончик тройки никак не получалось — ни ластиком, ни лезвием. Нет, о том, чтобы исправить оценку в дневнике, нечего было и думать.

К обеду я совсем измаялся. Дома все были такими весёлыми, счастливыми, что я не мог здесь оставаться. Наконец сказал, что пойду поздравлять друзей, и ушёл.

Я брёл по нарядным улицам и думал о том, как всё глупо получилось.

Люди кругом улыбались, смеялись, спешили. Счастливые малыши за ручку с родителями возвращались с утренников, из-под курточек выглядывали маскарадные костюмы — я так завидовал их беззаботности. Особенно радостно и шумно было на площади перед городским парком, где стояла главная ёлка города. Дед Мороз пожелал мне весёлых праздников, а девушка в костюме Снегурочки пыталась подарить флажок. Я отвернулся и медленно пошёл к огромным чугунным воротам парка.

В парке всё было иначе. Огромные обледенелые деревья, укрытые снегом, стояли безмолвно, как на картине. Их чёрные ветви, казалось, упирались в низкое серое небо. Заснеженные дорожки едва угадывались среди сугробов. Я сел на скамейку и снова задумался.

Мне вспомнился прошлый Новый год: как весело было за праздничным ужином, как дарили друг другу, а потом раскрывали подарки, как ходили на городскую площадь и ждали, пока стрелка часов дойдёт до двенадцати. Как вокруг люди радовались и поздравляли друг друга. Какая мама была счастливая. Как они с папой оба обняли меня, когда часы пробили полночь, и поцеловали в обе щеки.

Наверное, прошёл не один час, потому что, когда я очнулся от своих мыслей, уже начинало темнеть. Серый сумрак окутал парк. И тут вдруг я заметил, что сижу на лавке не один. Рядом со мной, нахохлившись, как голубь, на самом краешке примостился странный старик.

Много раз, возвращаясь из школы домой, я видел, как он кормит птиц. Вот и сейчас он кидал им пшено, и они, толкаясь, курлыкая и хлопая крыльями, дрались за крупинки. Видимо, я настолько глубоко задумался, что не увидел, как старик подсел на скамейку и как развернулся весь этот птичий базар. Заметив, что я в изумлении смотрю на голубей, старик протянул мне мешочек с крупой:

— Вот, возьми.

Я запустил замёрзшие пальцы в пшено и, зачерпнув целую горсть, кинул перед собой. Крупинки утонули в белом бархате снега. И в тот же миг хлопки десятков крыльев оглушили меня. Я и оглянуться не успел, как у моих ног образовался такой же голубиный базар, как и вокруг старика.

Тот вдруг протянул руку и коротко представился:

— Саиль.

— Олег, — откликнулся я.

И мы снова принялись молча кормить птиц. Становилось всё темнее, в парке зажглись фонари. В их свете всё кругом сделалось голубовато-серебряным, а голуби превратились в чёрно-сизых. Мне уже пора было возвращаться, но дневник, тройка, мама... Словом, я бы многое отдал за то, чтобы в этот вечер вовсе не являться домой. Вдруг, словно прочитав мои мысли, Саиль заговорил:

— А можно тебя спросить?

— Да, конечно, — кивнул я.

— Почему в этот праздничный вечер ты сидишь здесь один?

Он внимательно посмотрел на меня, и даже в темноте я заметил, какие серые, почти как голубиное перо, у него глаза — добрые, участливые. И я подумал: «Ведь хуже не станет, если рассказать этому старику о моей беде. Может, он что-нибудь посоветует».

— Ну, знаете... — начал я.

И как-то так легко и быстро всё само собой рассказалось. И про контрольную, и про тройку в дневнике, и про маму. Саиль слушал внимательно, не перебивая. Когда же я закончил, он вздохнул и спросил:

— И что же ты решил?

А что я решил? Я так ничего и не придумал. Мне оставалось только развести руками:

— Не знаю.

— Зато я знаю, — старик таинственно подмигнул. — И могу помочь твоему горю.

— Это как же? — не поверил я.

— А очень просто. Видишь того белого голубя?

Саиль достал из мешочка немного пшена и вдруг... заворковал. «Курлы-курлы», — словно пел он. «Курлы-курлы», — вторили ему птицы.

Неожиданно среди серо-чёрных голубей показался один белый. Он немного потоптался на месте, делая вид, что увлечён пшеном, а потом вдруг расправил крылья и вспорхнул Саилью прямо на руку. Белые перья отливали голубым, в темноте птица словно светилась изнутри. Голубь принялся клевать пшено с ладони старика.

— Ты думаешь, кто это?

Старик был серьёзен, но глаза хитро улыбались. Было ясно, что он что-то задумал.

Я пожал плечами:

— Голубь.

— Голубь-то голубь... — старик осторожно посадил птицу ко мне на плечо и насыпал крупы в мою ладонь. — Покорми его.

Я почувствовал, как птица, цепляясь за куртку, перебирает на моём плече лапками. Было страшно пошевелиться -- вдруг улетит. Стараясь не двигаться, я осторожно поднёс корм почти к самому клюву голубя. Он посмотрел, повертел головой и клюнул. Раз, другой, третий...

А Саиль между тем продолжал:

— А если я открою тебе один секрет, согласишься?

Было уже темно, сквозь голые ветви проглядывала мутная луна. Угрюмые тени деревьев лежали на белой глади снега, будто чёрные росчерки на чистом листе. Фонари изредка мигали. И всё вокруг казалось таким загадочным, что я, пожалуй, поверил бы во что угодно.

— Поверю, — ответил я шёпотом, будто боясь, что кто-нибудь услышит предназначенный мне секрет.

— Так вот, это не простой голубь. Понимаешь, какая история. Говорят, время нельзя увидеть, но на самом деле это не так. Вот у тебя на плече сейчас сидит уходящий год.

— Кто сидит? — не понял я.

Саиль погладил птицу:

— Уходящий год. Видишь ли, каждый прошедший год в последний свой день превращается в голубя.

— Как так? — удивился я.

— А вот так. Пока год идёт, его не видно. Но когда он проходит, то становится голубем. Сначала белым, а потом темнее

и темнее и наконец превращается в сизого. Ты можешь не верить мне, но я предлагаю проверить. Когда год стал голубем, можно попросить его вернуться в любой прошедший день года и всё изменить. Ты можешь вернуться в прошлое воскресенье и вместо того, чтобы идти к другу, остаться дома делать уроки.

Я не знал, что и думать. Но почему-то мне так хотелось верить тому, что говорил старик! Душа уходила в пятки от этой таинственности. Голубь, клевавший крупу из моих рук, тихонько ворковал, словно тоже принимал участие в нашей беседе.

— А как же попросить? — спросил я, и сердце сжалось от надежды.

— Я тебе подскажу. Загадай день, в который тебе бы хотелось вернуться, и скажи:

*Голубь-год, остановись,
Голубь-год, поворотись,
Голубь-год, выручай,
В прошлое вернуться дай!*

— Но помни: у тебя будет только один час на то, чтобы исправить свою ошибку.

На минуту мне показалось, что это глупо. Что старик просто смеётся надо мной. Какие-то сказки, честное слово. Но... я погладил голубя и сказал:

*Голубь-год, остановись,
Голубь-год, поворотись,
Голубь-год, выручай,
В прошлое вернуться дай!*

И в тот же миг голубь на моём плече расправил крылья и забил, замахал ими. В голове закружилось, в ушах раздалось громкое голубиное курлыканье, и вдруг... я оказался в своей комнате за письменным столом перед раскрытым учебником по русскому. Тёплой одежды на мне не было, а за окном светило неяркое зимнее солнце. Я взглянул на часы — ровно четыре. И в этот момент зазвонил телефон.

Я снял трубку:

— Олег, привет, — ликующе завопил в трубку Вовка. — Мне такое подарили! Ты даже не представляешь! Приходи, сам увидишь.

Конечно, я уже знал, что подарили Вовке, но сделал вид, что не знаю.

— И что же это?

— Что-что! Компьютер — вот что! Приходи, поиграем.

— Не могу, — ответил я. — Завтра диктант по русскому, а я ещё не готовился.

— Да ну его, этот диктант,— стал уговаривать Вовка.

Я снова взглянул на часы: мы разговаривали уже пять минут.

— Ты чего! — настаивал Вовка. — Мы только немножко поиграем и будем вместе готовиться.

— Извини, я бы очень хотел, но никак не могу, — сказал я как можно твёрже.

— Ну и ладно, — надулся Вовка. — Тогда сам всё опробую.

И тогда я сказал:

— Вот что, Вовка, ты бы лучше тоже русским занялся. Есть у меня предчувствие, что контрольная будет очень трудная, и как бы нам обоим не схлопотать по двойке. А подарок твой мы на каникулах как следует опробуем. Идёт?

— Ну хорошо, идёт, — протянул Вовка разочарованно и наконец-то положил трубку.

Я ещё не верил происходящему. Неужели получилось? Ай да старик! Ай да секрет! Голубь-год пустил меня назад!

И, не теряя времени, я поскорее сел за учебник. Теперь только успеть бы. Я повторил все правила. Я перечитал словарные слова. Я даже выписал на отдельную бумажку и выучил все исключения. А когда стрелка часов подошла к пяти, можно было с уверенностью сказать, что теперь никакой диктант не застанет меня врасплох.

И тут откуда ни возьмись на письменном столе появился белый голубь. Он заходил, закурлыкал, а потом точно так же, как в парке, замахал, затрепетал крыльями...

Я снова оказался на лавочке рядом с Саилем. Старик улыбался.

— Ну как? Успел?

— Успел! — я от волнения подскочил со скамейки. — Всё успел! Представляете, я оказался прямо дома. Прямо в то самое воскресенье!

И я принялся сбивчиво рассказывать про то, как провёл последний час. Про разговор с Вовкой, про то, как учил правила и боялся не успеть сделать всё. Голубь, по-прежнему сидевший у меня на плече, и не думал улетать, несмотря на то что я говорил громко и размахивал руками. Саиль рассмеялся:

— А ты ему понравился. Видишь, как сидит: нахохлился и не шелохнётся. Вообще годы любят, когда люди просят их о

помощи, чтобы исправить свои ошибки. Ведь чем меньше у людей ссор, скандалов, недовольства друг другом, тем удачнее прошёл год. Но тебе, мой друг, кажется, пора домой.

— Ой, да, — спохватился я. — Ответьте мне только на один вопрос. Откуда вы про голубей узнали?

Старик пожал плечами:

— Я ведь очень много времени провожу с птицами. И заметил, что под каждый Новый год появляется один белый. А поскольку я умею с ними говорить, вот и расспросил. А голуби с удовольствием всё рассказали. Теперь у меня любой год под рукой. Вон тот, — Саиль указал на коричневатого крупного голубя, — 2001, тот — 2004, а вон те двое, что вечно ходят вместе, 1998 и 1999. Иногда я путешествую во времени. Ведь среди голубей есть и очень старые. Голуби моей юности и молодости! Ох, сколько всего я бы мог тебе рассказать. Но только не сегодня. Беги домой, — старик деликатно снял птицу с моего плеча. — Беги-беги!

И я, попрощавшись, побежал, а через десять минут был дома. С замиранием сердца я прошёл в свою комнату, достал дневник и, глубоко вдохнув, открыл последнюю страницу, где стояли четвертные оценки. Напротив русского языка во второй четверти красовалась четвёрка. Не подправленная, не фальшивая, а если разобраться, даже почти не волшебная — ведь я тогда по-настоящему всё выучил.

С тех пор я частенько заглядываю в парк к Саилю. Мы с ним гуляем, подолгу беседуем, а ещё, конечно, кормим голубей. Всё-таки, что ни говори, а приятно иметь знакомого, который в последний день года может помочь исправить то, что ты в этом году сделал неправильно. Но после этой истории я почему-то стараюсь всё делать так, чтобы исправлять потом ничего не пришлось.

